

УДК 94(470)
ББК 63.3 (2Рос=Чеч)

«ТОРГОВЫЕ ЛЮДИ» ТЕРСКОГО ГОРОДА ИЗ ЧЕЧЕНЦЕВ (XVII в.)

Т. С. Магомадова, Р. А. Даутова

Одними из первых представителей северокавказских народов, мигрировавших в русскую крепость Терского города в конце XVI в., были чеченцы. Часть их, около 200 человек, известная, по русским источникам, как ококи (или окочане), покинула свою Окоцкую землю в 1596 г. и основала под стенами крепости так называемую Окоцкую слободу. Более ста лет, пока существовала крепость, они являлись в ней наиболее многочисленной и мобильной диаспорой. Терские окочане стали государственными служилыми людьми, выполняя различные поручения терской администрации, за что получали хлебное и денежное жалование [Кушева 1963: 61, 70–71, 81–82].

Среди служилых окочан Терского города было немало и тех, кто занимался торговым промыслом. И это неслучайно, поскольку Терский город являлся связующим звеном в торговле между Кавказом, Закавказьем, Ираном, Индией и другими странами. «Из Терского города, — пишет Н. П. Гриценко, — в разных направлениях шли торговые дороги: морем до Астрахани, Дербента, Баку — и до границ Ирана; сухопутным путем в Закавказье и Иран через Кизлярский перевоз, а также на переправу через реку Аксай, далее через Койсу на Тарки, Буйнак и до Дербента. Из Дербента можно было пройти в Ширван, Шемаху, Иран. В середине XVIII в. был хорошо известен сухопутный путь из Терского города в Индию. На протяжении длительного времени существовала Османова, или Османовская дорога, шедшая от Дербента на кумыкские Тарки, оттуда на Сунженский перевоз и дальше до берегов Азовского моря и Дона» [Гриценко 1984: 37].

Чеченцы, даже из горных районов, приезжали в Терки по торговым делам. Многие из них (шибуты, мичкизы) становились «новоприбылыми» жителями Терков, обосновываясь в Окоцкой и Черкесской слободах.

В 1674 г. в челобитной царю Алексею Михайловичу грузинский царевич Николай Давидович просил выдать возмещение за вещи, захваченные у него чеченскими (жителями селения Чечен) и шибутскими людьми при попытке проехать из Терского города в Тушетию через Шибутскую землю, а также наказать виновных: «...и те пограбленные ево животы и рухлядь (имущество. — *Т. М., Р. Д.*) на чеченских и на шибутских людях допроводить, и которые их люди приезжают с торгами и для иных своих дел на Терек, задержать, покаместа они с ним в том учинят расплату» [Русско-чеченские отношения 1997: 220].

Е. Н. Кушева пишет: «Астрахань и особенно Терский город, как пограничный, находились в постоянных, можно сказать, повседневных сношениях с землями Северного Дагестана и Северного Кавказа, их воеводы должны были быть в курсе всех местных отношений и событий и связанных с ними интересов и действий соседних держав» [Кушева 1963: 15].

В центре города стоял «государев гостин-тезиный двор», в котором «были устроены для житья и приезду торговых тезиков (восточный купец. — *Т. М., Р. Д.*) избы с сеньми и амбары с чердаками» [Кабардино-русские отношения 1957: 253]. Здесь жили терские торговые люди, здесь останавливались и приезжие: иранские, азербайджанские, армянские, индийские, северокавказские и прочие торговцы. Всего в Терках было три гостиных двора со множеством торговых рядов и лавок. Базары устраивались два раза в неделю [Фадеев 1960: 44]. Это намного облегчало сбор «таможенной пошлины и головщины». Однако, избегая пошлин, купцы нередко останавливались за городом в слободах: Черкасской, Окоцкой, Татарской, Заречной. Здесь же, приезжая к родственникам, останавливались, надо полагать, и торговые люди из Чечни.

В связи с этим терские воеводы отписали в 1631 г. в Москву к царю: «Приезжают де на Терек приезжие иноземцы черкасы и кумычане и мичкизяны и крымские люди в Черкасскую слободу ко князю Шолоху Сунчалевичу и ставятца в его слободах, а у них не являютца. Да с теми же де приезжими иноземцы приезжают служилые и торговые люди и товаров своих не являют и государевых пошлин с товаров не платят» [Кабардино-русские отношения 1957: 140].

Жизнь терских окочан, втянутых в ритм городского разностороннего и разноэтнического бытия, мало чем отличалась от жизни других жителей Терков и его слободок. Они принимали самое непосредственное участие во всех важных событиях, происходивших в городе Терки.

Среди окочан были довольно состоятельные люди, промышлявшие торговлей, хорошо знакомые с этим ремеслом и обладавшие достаточными средствами. Воспитатель князя Муцала Сунчалевича Черкасского, терский окочанин, уздень Бикша Алеев, отправившись с важным государственным поручением в Дербент и Шемаху, просил прислать из дому 225 золотых, которые и привез ему его кунак тезик Аджи Суюндуков [Кабардино-русские отношения 1957: 293]. В 1647 г. окоцкий мурза Чепан Кохостров привез в подарок московскому царю Алексею Михайловичу двух аргамаков по цене 25 и 20 рублей [Русско-чеченские отношения 1997: 154].

Почти все мужское население терских окочан находилось на государственной службе, за что, хотя и нерегулярно, получало денежное и хлебное жалование. Так, например, в 1686 г. у 64 служилых окочан был оклад от 6 до 15 рублей. Упомянутый выше Бикша Алеев получал 16 рублей, а служилый окочанин Энбулат Эльмурзин — 14 рублей. Они были, несомненно, самыми высокооплачиваемыми окочанами, что свидетельствует об их принадлежности к «лучшим» окочанам, т.е. самым зажиточным, состоятельным [Русско-чеченские отношения 1997: 245].

Государева служба окочан заключалась в целом в посреднической роли в сношениях с северокавказскими народами, в сборе информации о ситуации на Северном Кавказе, в совместных походах с русским гарнизоном против неприятеля, в проводах послов, нередко они выполняли обязанности гонцов во все уголки Кавказа, в Иран и даже

Москву. Так, в 1646 г. после удачного похода в Крым с сообщением о победе и о взятии в плен «языков» в Москву были посланы гонцы во главе с аталыком (воспитателем) кабардинского князя М. С. Черкасского окочанином Черкасом Алеевым (братом Бикши Алеева), которому было выдано жалованье: «...шуба соболя под камкою в 25 рублей, шапка лисья в 4 рубли, денег 8 рублей...» [Русско-чеченские отношения 1997: 148].

Чеченцы вели оживленную торговлю с русскими из казачьих городков, государевых крепостей, построенных в устье Сунжи начиная с 1567 г., со времен их появления на Тереке. С этого времени торговые связи чеченцев распространились и на другие территории. Астрахань — крупный пограничный город Русского государства, расположенный при выходе волжского торгового пути в Каспийское море — не был исключением. Через Астрахань проходили пути из Европы в Китай, Среднюю Азию, Индию и Иран. Через нее направлялись из Москвы торговые караваны и посольства в Иран, Бухару, Хиву, на Кавказ. М. В. Фехнер отмечает, что «товары, продававшиеся на астраханском базаре, были так же разнообразны, как разнообразен был национальный состав купцов, торговавших на базарной площади» [Фехнер 1952: 55]. Нередкими гостями здесь были и торговцы из числа чеченцев.

В архиве сохранилось несколько письменных свидетельств XVII в. о торговой деятельности чеченцев-окочан. Это прежде всего документы астраханской таможни. В них удалось обнаружить сведения о торговле окочан с Астраханью [Исаева 1977: 169–182; Магомадова 1977: 102–124]. «Выписи» астраханской таможни выдавались торговым людям для вывоза товаров из Астрахани. В 1672 г. была сделана «выпись» астраханской таможни об отпуске из Астрахани в Терский город терского окочанина Янтуначки Кумыкова, которая содержит сведения о количестве и ассортименте вывозимого окочанином товара: «180-го году августа в 11 день по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великия и Малыя и Белыя Росии самодержца указу и по подписной челобитной за пометою дьяка Петра Самойлова велено, справясь в таможне, отпустить из Астрахани вниз Волгою-рекою и морем до Терка терского [окоча]нина Янтуначку Кумыкова в лотке, а в лотке будет с ним для ево нужды 15 мешков муки ржаные, да пять котлов, да коробка

порозжая, да сукна настрафилю четыре аршина, да работных людей с ним будет в той лотке терских жа окочан три человека. А у работных людей будет 12 котлов медных, четыре аршина сукна настра[филь]ного да две коробки с мелочью. А с привозного своего товара пошлины по указу платили.

У сей выписи астраханская таможенная печать» [Русско-чеченские отношения 1997: 213].

В документах не раз упоминаются «работные люди», коими могли быть рядовые окочане, а возможно и ясыри-невольники, которых торговые люди, и не только они, приобретали на известных невольничьих рынках. Ясыри могли доставаться окочанам и в бою.

Например, у Янтуначка были «работные люди», помогавшие в коммерческих поездках и делах. Окочане приезжали в Астрахань с товаром. Продавали его и закупали вышеперечисленный нужный в таможене товар для доставки в Терский город. Так, в 1698 г. в Астрахань из Терского города прибыли с товаром двое окочан: «...окочанина Шявшки, у него тритцать восьм мешков орехов гретцких, два мешка пшеничной муки, семь мешков шептолы, три овчинки бараньих... окоченина... пка (текст утерян. — *Т.М., Р.Д.*), у него 2 мешка... один мешок куреги, четыре мешка шепталы...» [Русско-чеченские отношения 1997: 259].

Торговые люди из окочан совершали поездки в самые разные уголки Кавказа, имели обширные связи. В этом отношении интересна информация, поступившая в 1673 г. с Урустобской заставы (в дельте Волги) от служилых людей астраханскому воеводе о прибытии на заставу из Дербента стружка (струг — старинное русское речное деревянное судно. — *Т.М., Р.Д.*) с торговыми людьми и с товарами, в том числе с товарами двух окочан. «В нынешнем во 181-м (1673. — *Т.М., Р.Д.*) году августа в 12 день приехал из Дербени в струшку астраханской юртовской татарин... Ажахматко Асанов с товаром, а товару у него три таи (кипа товара, возможно шелк-сырец. — *Т.М., Р.Д.*), да посыльного товара с ним окоченина Норалычка пять таи, на том жа струшку у индейца у Намченки двадцать одна тая, на том же струшку у дебенса у Чарашки одна тая да в узлу кумачи и сафьяны, на том же струшку у окоченина у Ялбечка две таи да два узла, кумачи и сафьяны, а тот товар запечатан таможенною печатью» [Русско-че-

ченские отношения 1997: 215–216]. Другой служилый окочанин Конейка Аллабердеев в 1675 г. был отмечен и отпущен астраханской таможеней «из Астарахани вниз Волгою рекою и морем до Терка... с товаром. А товару у него пятьдесят коробок красных, десять ларцов окованных, четыре котла медных, две кожи красных, двадцать чашек красных, восемь человек работных людей» [Русско-чеченские отношения 1997: 224]. В том же году из Астрахани был отпущен в Терский город «служилый окоченин Елчебарко Туланов в своем струшку с товаром. А товару с ним три мешка проса татарского да государева хлебного жалованья де... (текст утрачен. — *Т.М., Р.Д.*) четвертей ржи, тритцать пуд соли, два котла медных, коробка с мелочью, а в ней мех заечей, две кожи телятненные красные, шесть курпеков (сорт мелкого каракуля. — *Т.М., Р.Д.*), ларчик кованой ... лоч за таможенною печатью порозжая, кадushка смолы весом ...тысяча скоб...» [Русско-чеченские отношения 1997: 225].

О налаженной торговой деятельности и активных связях с Астраханью свидетельствует челобитная астраханского жителя Мулалемки Назарова, в которой он пишет, что в 1686 г. «приехав с Терка окоченин Чапай положил у меня, холопа вашего, товару своего, двести пятьдесят пять кумачей, девять бязей, три полаза...» [Русско-чеченские отношения 1997: 244]. Сохранилась челобитная окочанина Асана Муллаева царям Ивану и Петру Алексеевичам и царевне Софье Алексеевне 1687 г. об отпуске его из Астрахани в Терский город, «в своем струшку без товару, только про свою домашнюю нужду три коробок, десеть мешков муки пшеничные, работных людей пять человек». На обороте челобитной была сделана «помета»: «Отпустить по указу» [Русско-чеченские отношения 1997: 248]. В 1688 г. был отпущен из Астрахани в Терский город служилый окочанин Батырка Айбилев с четырьмя товарищами «в струшку» с товаром, «а товар с ними в разбити двадцать юфтей красного товару, две тысячи аршин холста, тритцать котлов медных, четыре котла железных, тритцать шуб заячинных, семь шуб белых, двенадцать ларцов под жестью, тритцать коробок, семьсот блюд, шестьдесят скляниц шесть тафт шолковых, противень медной, пятьдесят мерлушек, да в двух таях пятьдесят юфтей красного товару за таможенною печатью» [Русско-чеченские отношения 1997: 248].

Окочане как служилые люди принимали участие во всех походах терского гарнизона против неприятеля. Захваченные в плен ясыри становились общей добычей и делились между участниками. Источник 1634 г. сообщает, что кабардинский мурза Кельмамет Куденетович купил «Терсково ж города у служивово окоченина у Контеши у Булатова есырку жонку с сыном ее с татарчонком, а та, государь, жонка ему досталась на паю на дуване Козыевского погрому, а дал, государь, я за ту жонку с сыном у тово окоченина 50 рублей» [Русско-чеченские отношения 1997: 245]. «Казыевский погром» — это военный поход 1633 г. князя П. Волконского из Астрахани против Малых Ногаев, т. е. ногайцев Казыева улуса. В походе участвовали отряды из Терского города. Е. Н. Кушева пишет: «Очевидно, Контяш Булатов участвовал в этом походе и получил свой «пай» из числа захваченных в плен татарских ясырей» [Кушева 1963: 249]. В 1644 г. кумык Черюм из селения Эндери написал челобитную царю Михаилу Федоровичу о возвращении ему беглого дворового человека, живущего в Черкасской слободе Терского города у окочанина Петряя: «... бежал от меня, холопа твоего, из Ондреевы деревни человек мой дворовой, Сабанейко зовут, и живет, государь, у нево Петряя. И тово, государь, беглово человека тот Петряй мне, холопу твоему, не отдает, держит у себя» [Русско-чеченские отношения 1997: 327].

Постоянным источником пленных была Грузия. Ясыри поступали на невольничьи рынки в основном из горного Дагестана и Чечни. В 1640 г. посол кахетинского царя Теймураза, митрополит Никифор собирал сведения о том, сколько в Москве, Казани, Астрахани и в Терском городе живет «грузинцев». В «росписи» по Терскому городу значились следующие:

«...Невольник Мамука, живет у окоченина у Баймурзы.

Невольник же Томаз, живет у окоченина, у Баймурзина брата.

Невольник же Натир, живет у окоченина, а у ково именем, тово не написано.

Невольник же Георгий, живет у окоченина, а у ково именем, тово не написано ж.

Невольник Мамука, у окоченина ж, а у ково именем, тово не написано ж.

Невольник же Федор, а где и у ково, тово не написано ж.

Невольник же Федор, а где и у ково, тово не написано ж. [Русско-чеченские отноше-

ния 1997: 250]». Как видно из документа, значительная часть этих невольников принадлежала чеченцам-окочанам из Терского города.

Грузины-ясыри были весьма распространенным товаром. В 1653 г. терский воевода отписал астраханскому воеводе уплату терскому служилому окочанину Минкишу Мустину денег за бежавших холопов-грузин, опираясь на его челобитную: «В прошлых де годех тому лет с пятнадцать купил он в Кабарде в Мундаровых кабаках мужика дидьянца Хагутака (из Мегрелии. — *Т. М., Р. Д.*), дал за него 60 рублей денег. И в нынешнем де во 161-м году (1653. — *Т. М., Р. Д.*) грузинские люди, которые приехали в Терский город з грузинскими царицею и царевичем, пришед ночью на двор к нему, и тово ево мужика дидьянца насильством взяли и держат у себя, а ему не отдают и деньги за него, что он дал не платят...» [Русско-чеченские отношения 1997: 308]. Окочанин просит, чтобы ему из казны заплатили за невольника, как и узденю М. С. Черкасского, окочанину Чюре Алебекову. Будучи в 1651 г. в Астрахани, окочанин Чюра написал челобитную астраханскому воеводе М. Пронскому, в которой сообщает, что купил в Тарках, центре шамхальства Тарковского, ясырей-пленников «грузинца Томада, а русское имя Ивашка Вавилов, дал за него 40 рублей, да жену ево, которая была за ним Ивашкой, он же купил девкою, дал 23 рубли. И тот де грузинец Ивашка з женою и з детьми на Терке у него взяты и присланы в Астарахань». Ясыри понадобились для заведения в Астрахани «государева шелкового дела». Однако денег за них окочанин не получил и в челобитной воеводе просит оплатить взятых у него невольников. М. Пронский отписал в Терки воеводе В. Волынскому, чтоб «тому окоченину Чюре за грузинца Ивашка Вавилова на окуп велели дать из государевы казны 40 рублей из терских доходов», а за жену грузина «князь Муцалову узденю Чюре из государевы казны дано в Астарахани на окуп 23 рубли денег» [Русско-чеченские отношения 1997: 176–177]. Астраханский воевода приказал заплатить Минкишу Мустину за лишнего у него невольника 30 рублей из казны. Видимо, цена грузина была слишком завышена, и потому воевода счел нужным заплатить вдвое меньше.

Чюра Алебеков как уздень относился к служилой знати Терского города. Ясырей он мог приобретать для домашней работы,

перепродажи, использовать их как «работных людей» в своем торговом занятии. Как многие служилые окочане Терского города, Чюра (Чирачка) занимался торговыми делами. К 1675 г. его патрона, князя Муцала Черкасского, уже не было в живых. Чюра назван узденем его сына, Каспулата Муцаловича Черкасского. Сохранилась выписка этого года из астраханской таможни о том, что отпущен «из Астарахани вниз Волгою рекою и морем на Терек на кладь, где попадетца, терской окоченин князя Каспулата Муцаловича Черкасского уздень ево Чирачко Альбеко, да с ним восьм аршин сукна синего и красного, юфть кож красных, мех заечинной, сто кремений, четверы обуви, сапожных подошв, коробка старая, с ним же два человека ясырей, женка да парень калмыцкого родства Аблаева погрому, а те ясыри князь Каспулата Муцаловича матери Парханы Шаганоковны. А товар весь в одной коробке за таможенною печатью» [Русско-чеченские отношения 1997: 224–225].

Значительная часть упомянутых выше торговых людей из окочан находилась на государственной службе. Но одна служба не могла прокормить окочан. Напомним, что жалованье часто задерживалось, иногда не платили годами. Пашня не всегда давала урожай из-за частых засух или набегов саранчи. Торговля же была делом прибыльным и обеспечивавшим жизнь.

Одним из таких торговых людей был терский окочанин Энбулат Эльмурзин, регулярно возивший разнообразный товар. Сохранились три таможенные выписки, данные Энбулату, — две от 1676 г. об «отпуске» его в Терский город и одна от 1681 г. об «отпуске» в Дербент. В 1676 г. его отпустили из Астрахани «вниз Волгою рекою и морем на Терек... в своем струшку с товаром. А товару с ним: семь юфтей красного товару (кожа, окрашенная растительными красителями. — *Т. М., Р. Д.*), шесть мехов муки ржаной и пшеничной, пятнадцать коробок красных, десеть ларчиков окованных, тридцать мерлушек (мех из шкуры ягненка. — *Т. М., Р. Д.*), десеть зеркал, две тысячи игол, полпуда белил, два аршина сукна немецкого, шесть пуд смолы, шездесят ножниц, тридцать решет, десеть сит, два пуда зеленой котловой меди да лохань большая зеленой меди, шесть мехов муки ржаной и пшеничной, да пять мехов заечьих белых, да бархат изорбат, да работных людей десеть человек...» [Русско-чеченские отношения 1997:

221–222]. Энбулат быстро вернулся с привезенным в Терки товаром. Уже через 20 дней астраханская таможня разрешила ему вывоз очередной партии товара «в своем струшку». Ассортимент товара в этот раз был другим: «семьсот пуд соли, семь четвертей солоду яшного, четыре четверти муки пшеничной и аржаной, три коробки красных порозжие, десять мерлушек, погребец порозжей с скляницами, ларчик окованной порозжей, четыре котла медные, двадцать брусков мыла татарского, две юфти красного товару, десять тесниц, две кадушки смолы, да работных людей на том стругу восемь человек». За товар была взята пошлина и дана «проезжая» [Русско-чеченские отношения 1997: 231].

Энбулат Эльмурзин, как видно из приведенных сведений, был тесно связан с Астраханью. Возможно, его служебные поручения были более ориентированы на связи с этим центром политической жизни в низовьях Волги и Северного Кавказа, которому подчинялась администрация Терского города. Так, в 1692 г. он привез из Астрахани от воеводы П. Хованского в Терский город пять царских грамот, четыре из которых были на имя терского воеводы В. С. Нарбекова и одна грамота — на имя думного дворянина И. Языкова [Русско-чеченские отношения 1997: 250]. Кроме того, Астрахань являлась международным центром торговли. Энбулат успешно использовал служебные поездки для личной предпринимательской деятельности. Ассортимент вывозимого им из Астрахани товара, а также его количество говорят о том, что товар вывозился для продажи. Это десятки связок кож и мехов, коробки, ларцы, зеркала, ножницы, различные ткани, тысячи игл, мед, котлы, мыло, соль, солод, мука и т. д. Перевезти большую партию товара на струге по реке и морю без помощи «работных людей» было трудно и опасно. Энбулата постоянно сопровождало до десяти человек.

Товар вывозился Энбулатом из Астрахани не только в Терский город, но и в другие центры Северного Кавказа. За 1681 г. сохранилась «выпись» Астраханской таможни об отпуске из Астрахани в Дербент терского окочанина Энбулата Эльмурзина с товаром «в своем струшку»: «семнадцать половинок стамедов, две половинки сукна кармазину, пятнадцать аршин сукна кармазину ж, тридцать юфтей кож красных, двести мерлушек,

две тысячи иголок, шесть пуд меди в котлах, шесть пуд меду, двести гнезд подошевых, десять ларчиков слудных, двадцать коробок красных, пять портищ сукна сераго, шесть зеркол малой руки, шесть фунтов белил, пуд белил же, тринадцать юфтей белых мешков. А тот товар в разбитии: два мешка чилиму, десеть пуд поскони. Да работных людей с ним в том ево стружку десеть человек да кормщик. У сей выписи астраханская таможенная печать» [Русско-чеченские отношения 1997: 238–239].

Энбулат Эльмурзин может послужить собирательным образом чеченской диаспоры Терского города XVII в. Подобных государевых служилых окончан в российском опорном пункте было немало.

Литература

- Гриценко Н. П. Города Северо-Восточного Кавказа (V — середина XIX в.). Ростов н/Д: ИРУ, 1984. 159 с.
- Исаева Т. А. Материалы Астраханской приказной палаты как источник для изучения социально-экономической и политической жизни Чечено-Ингушетии в XVII в. // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Т. XI. Грозный: Чеч.-Инг. ИИСФ, 1977. 163 с.
- Кабардино-русские отношения в XVI–XVIII вв.: документы и материалы. К 400-летию присоединения Кабарды к России. Т. I. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1957. 125 с.
- Кушева Е. Н. Народы Северного Кавказа и их связи с Россией (втор. пол. XVI — 30-е годы XVII в.). М.: Изд-во Акад. наук СССР, 1963. 371 с.
- Магомадова Т. С. К характеристике торговых связей чеченцев и ингушей с русскими и Россией в XVI–XVII веках // Вопросы истории Чечено-Ингушетии. Т. XI. Грозный: Чеч.-Инг. ИИСФ, 1977. 163 с.
- Русско-чеченские отношения. Вторая половина XVI–XVII в. / сост., введ., коммент. Е. Н. Кушевой. М.: Вост. лит., 1997. 415 с.
- Фадеев А. В. Основные этапы в развитии русско-кавказских связей // Ученые записки Кабардино-Балкарского НИИ. Т. XVII. Нальчик, 1960. С. 33–81.
- Фехнер М. В. Торговля русского государства со странами Востока в XVI веке. М.: Госкультпросветиздат, 1952. 122 с.